

Перед отъездом госпожа Чжэн несколько ночей не смыкала глаз, торопясь дошить для Тан Цинфэна две ватные куртки. Боясь, что он замерзнет, она не пожалела ваты и набила их до отказа. Куртки вышли толстыми и очень теплыми. Глядя на покрасневшие от бессонницы глаза госпожи Чжэн, Тан Цинфэн не знал, с чего начать — слов было слишком много. В горле словно застрял ком, и в итоге все, что он смог сделать, это крепко обнять тетушку Чжэн, которая, хоть и не была его родной матерью, растила его как собственного ребенка.

Две слезинки скатились по щекам. Тан Цинфэн молча поклялся себе, что, как бы ни сложилась жизнь, он приложит все усилия, чтобы отплатить этой женщине добром.

Попрощавшись со старым старостой и четой Чжэн, Тан Цинфэн с огромным узлом в руках взобрался в повозку, сделав первый шаг в своей новой жизни.

В начале пути он еще чувствовал новизну: семь лет, проведенные в маленьком городке, где каждый день перед глазами был один и тот же до боли знакомый пейзаж, приелись хуже некуда. Тан Цинфэн прильнул к окну, разглядывая проносящиеся мимо виды, но вскоре и это наскучило. Лошади бежали быстро, повозку сильно трясло, и Тан Цинфэн, никогда раньше не путешествовавший на дальние расстояния, начал изнывать. Несмотря на то что повозка предназначалась для богатых семей и была оснащена мягкими сиденьями, комфорта в ней было мало. Его накрыло приступом тошноты.

Так и повелось: повозка едет, а Тан Цинфэн, высунувшись из заднего окна, страдает от приступов рвоты. Сначала Цинь Фан и остальные очень беспокоились, но со временем привыкли. Когда Цинфэна мучило, они лишь посмеивались: — Не приучен этот малец к роскоши. В такой хорошей повозке мается, а если бы в паланкине ехал, и того хуже было бы.

Шли дни, и спустя неделю Тан Цинфэна, как по волшебству, перестало укачивать. То ли организм привык, то ли лошади, пожалев его, старались выбирать дорогу поровнее?

Если в пути не удавалось найти постоянный двор, ночевали прямо в повозке — все необходимое там было. Если же удавалось — останавливались в лучших местах. В дороге, придерживаясь правила не выставлять богатство напоказ, очень важно обеспечить себе комфорт. Двум молодым господам и двум слугам вполне хватало двух комнат. Однако последние несколько дней им не везло: то проезжали мимо, то до ближайшего ночлега было слишком далеко. Все изрядно вымотались, поэтому в этот день решили сбавить темп и двигаться не спеша.

Проезжая мимо одного дома, они заметили во дворе апельсиновое дерево, усыпанное ярко-желтыми, очень аппетитными плодами. Солнце уже склонялось к закату, и они решили попроситься на ночлег.

Хань Чжу подошел к воротам:

— Есть кто дома?

Ответа не последовало. Хань Чжу оглянулся на Цинь Фана, спрашивая взглядом, стоит ли стучать дальше. Цинь Фан махнул рукой, и Хань Чжу, ухватившись за медное кольцо, изо всех

сил заколотил в ворота. Наконец, слышались шаги.

— Иду... иду, — отозвался старческий голос. Дверь приоткрылась лишь на щелочку, и из-за нее на путников испуганно взглянул старик. Цинь Фан и остальные терпеливо ждали, пока он их разглядывает. Наконец, створка распахнулась наполовину.

— Что вам угодно, молодой человек? — спросил старик, обращаясь к Хань Чжу.

— Почтенный, мы с господами проездом. Увидели, что у вас в саду апельсины уродились, да и вечер уже на дворе, вот и хотели попроситься на ночлег. Не позволите ли остановиться у вас на одну ночь?

Старик замялся, словно обдумывая что-то, но в конце концов кивнул и впустил гостей.

Ведя их за собой, он пояснил:

— Я живу здесь один с внучкой. Она обитает в восточной комнате, поэтому прошу вас, господа, без надобности туда не заходить. Сейчас я приберусь в западной комнате, там и отдохнете. Как ужин будет готов, я вас позову.

Цинь Фан замахал руками:

— Почтенный Сунь, не стоит беспокоиться, не нужно утруждать себя уборкой. Мои слуги сами все сделают. Благодарим вас за гостеприимство. Вечером я попрошу своего мальчишку приготовить несколько блюд, разделите с нами трапезу, как вы на это смотрите?

Они дошли до западной комнаты. Старик Сунь открыл дверь: внутри стояла простая деревянная кровать, пара сундуков и несколько кувшинов. В комнате давно никто не жил, поэтому все было покрыто пылью.

Войдя, Тан Цинфэн попытался открыть окно, но оно не поддавалось. Попробовал еще раз — безуспешно.

— Почтенный, а это окно можно открыть? — спросил он.

— Прошу прощения, окно сломано, чинить было некому, вот мы его снаружи и заколотили, — замялся старик.

— Ничего страшного, позже я попробую его починить, — непроизвольно вырвалось у Тан Цинфэна, когда он снова дернул створку.

— Ты починишь? — удивленно переспросил старик Сунь.

— А! То есть... конечно, я сначала спрошу совета у своего наставника, а потом попробую, — спохватившись, поправился Цинфэн.

Тем временем Цинь Фан и Кун Лин уже отправились к апельсиновому дереву. Оно было старым, почти вровень с крышей, с толстым, как две руки взрослого человека, стволом. Ветки, гнущиеся под тяжестью плодов, низко опускались к земле, так что до них легко было дотянуться.

Кун Лин сорвал апельсин, очистил его и протянул дольку Цинь Фану. Тот потянулся было взять, но Кун Лин отстранился, показывая, что нужно открыть рот — мол, буду кормить сам, либо срывай себе сам. Цинь Фан, глядя на его ужимки, лишь фыркнул, отвернулся и, заметив высоко вверх крупный золотистый плод, сорвал его, очистил и принялся есть, приговаривая: — И правда, очень сладкий.

Кун Лин не обиделся. Когда они закончили с апельсинами, они сорвали еще несколько штук и принесли в дом. Старик Сунь еще не ушел, и Цинь Фан, увидев его, смущенно улыбнулся.

— Почтенный Сунь, мы по дороге заприметили ваши апельсины, сорвали парочку — оказались очень сладкими, вот и принесли еще немного, чтобы наши мальчики попробовали. Мы включим их стоимость в оплату за ночлег, хорошо? — Кун Лин улыбнулся так сладко, что отказать было невозможно.

Как говорится, не бьют того, кто улыбается. Старик не стал возражать: — Мои апельсины здесь известны. Крупные, сладкие, на рынке их всегда охотно берут.

Трое мужчин уселись за стол, попивая чай. Хань Чжу и Тан Цинфэн закончили с уборкой западной комнаты, после чего Хань Чжу остался приводить все в порядок, а Цинфэн отправился готовить ужин.

— Наставник, господин Цинь, дедушка Сунь.

— Цинфэн, пришел? Все закончил? — Цинь Фан протянул ему апельсин. Тан Цинфэн, не церемонясь, принял его.

— Почти. Хань Чжу справится сам. Уже поздно, хотел спросить, где у вас плита, чтобы приготовить ужин.

Старик Сунь отвел его на кухню и даже дал немного своих овощей. Тан Цинфэн без лишних слов накрыл стол вкусным ужином.

Во время трапезы Цинь Фан предложил:

— Почтенный, позовите свою внучку, пусть поест с нами.

Старик на мгновение замялся, а затем покачал головой:

— Не нужно. Девушка она уже взрослая, нежеле ей за одним столом с гостями сидеть. Я сам отнесу ей еду в комнату.

Подумав, что это разумно, Кун Лин позвал Цинфэна:

— Цинфэн, отложи немного овощей, положи на тарелку, добавь риса и отнеси ей.

— Слушаюсь. — Через минуту он принес поднос: тарелка с овощами, вяленое мясо, миска супа и рис.

Старик Сунь взял поднос:

— Благодарю, молодой человек. — Он отнес еду в восточную комнату и вскоре вернулся с пустыми руками.

Вечер прошел приятно, но так как завтра предстояла дорога, все рано легли спать. За последние дни все изрядно вымотались, поэтому спали крепко, не просыпаясь до самого рассвета.

На следующее утро, после завтрака, старик Сунь так и не вышел. Путники не спешили, дожидаясь его и лакомясь апельсинами, но время шло, солнце уже высоко поднялось, и они решили больше не ждать.

Тан Цинфэн подошел к двери и постучал. Та оказалась не заперта, и он толкнул ее. В комнате царил беспорядок, а старик Сунь, одетый лишь в нижнее белье, лежал на полу, не подавая признаков жизни.

<http://bllate.org/book/21782/2252372>